

ФАБИЙ ПЛАНЦИАД ФУЛЬГЕНЦИЙ И ПЕРВАЯ РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОСТИ

Е.В. ЛИТОВЧЕНКО

Белгородский
государственный
университет

e-mail: Litovchenko@bsu.edu.ru

В работе рассматривается место и роль позднелатинского автора из Африки Фульгенция, автора мифологического компендиума в позднеантичной культуре. Автор приходит к выводу о том, что Фульгенций был уже не носителем классической традиции, а представителем ее первой рецепции.

Ключевые слова: латинский, миф, литература, Рим, поздняя античность, рецепция.

Ментальный образ человека поздней античности¹ (по крайней мере, интеллектуала, «человека культуры») характеризовался устойчивой приверженностью римскому образу жизни, классическим ценностным ориентирам, традициям². Главную цель своей жизни «последние римляне» видели в сохранении римских традиций и передаче их в наследство потомкам. Концепт *tradere*³ означает, в первую очередь, «передавать» (в том числе по наследству), «оставлять», «завещать». Этому и была посвящена деятельность Сидония, Драконция, Павлина, Фульгенция (как и последующих авторов), это была их Миссия; по удачному выражению М.Л. Гаспарова, они стремились «упаковать античные ценности так, чтобы их удобнее было хранить» в наступающем Средневековье.

Несомненной заслугой этих авторов являлось то, что они, будучи последними живыми носителями античной традиции, уходящей в историю на их глазах, смогли сохранить лучшее из традиционной античной системы ценностей, тем самым, подготовив почву для развития новых элементов культуры, культуры христианского латинского Средневековья, в которой с VI в. классические реминисценции станут важнейшей «подводной частью айсберга».

Не совсем совпадая с политической историей Западной Римской империи, латинская литература Поздней античности и Раннего Средневековья⁴ занимает чрезвычайно важную культурную нишу в контексте исторического континуитета.

Фульгенций, Фабий Планциад (Fulgentius, Fabius Planciades (ок. 467-532) – позднеримский писатель родом из Африки (г. Телепт), там же жил и работал при власти вандалов, где и когда сложился интересный пласт позднелатинской культуры («Вандальский Ренессанс»)⁵.

¹ Bowersok G.W., Brown P., Grabar O. Late Antiquity: A Guide to the Postclassical World. Cambridge, Mass. – L., 1999; Garnsey P., Humfress C. The Evolution of the Late Antique World. Cambridge, 2001; Interpreting of Late Antiquity: essays on the Postclassical World. Cambridge, Mass., 2001; Литовченко Е.В. Миропощение и ментальность в эпоху поздней античности // X Чтения памяти проф. Н.П. Соколова. Н. Новгород, 2007. С. 106-111; Болгов Н.Н. Поздняя античность: история и культура. Белгород, 2009.

² Литовченко Е.В. Классическая традиция в трудах позднеримских интеллектуалов (конец IV – начало VI вв.) / Автореф. канд. дисс. Тула, 2007.

³ Tradition and innovation in the late antiquity / Ed. by F.M. Clover, R.S. Humphreys. Madison (Wis.), 1989; Литовченко Е.В. Традиция и транзитивность переходной эпохи в трудах позднеримских авторов // Шевченківська весна. Історія. Вип. VI, ч. 1. К., 2008. С. 101-103.

⁴ Roberts M. The Latin Literature of Late Antiquity // Medieval Latin: An Introduction and Bibliographical Guide / Ed. by Frank A. Mantello, A.G. Rigg. Washington D.C., 1996. P. 537-546.

⁵ Hays G. Romuleis Libicisque Litteris: Fulgentius and the «Vandal Renaissance» // Vandals, Romans and Berbers: New Perspectives on Late Antique North Africa. 2004. P. 101-132; Hays, Gregory. The date and identity of the mythographer Fulgentius // Journal of Medieval Latin. 13. 2003. P. 163-252; Hays G. Varia Fulgentiana // Illinois Classical Studies. 23. 1998. P. 127-137; Lehmann P. Fulgentiana // Rheinisches Museum. 61. 1906. S. 107-116; Jocelyn H.D. Fulgentius, Fabius Planciades // Oxford Classical Dictionary, 3rd ed. / Ed. by S. Hornblower, A. Spawforth. Oxford, 1996. P. 613f.; Bertini F. Autori latini in Africa sotto la dominazione vandalica. Genova, 1974; Hays G. The Date and Identity of the Mythographer Fulgentius // Journal of Medieval

Твердый христианин, Фульгенций принадлежал к довольно зажиточной семье, судя по тому, что смог получить хорошее образование⁶. Никаких подробностей о его жизни неизвестно. Работал Фульгенций в типичном для того времени жанре комментария и толкования.

Будучи грамматиком, Фульгенций интересовался словом; занимаясь моральной философией, он предавался размышлениям о мифологии, в которой видел скрытый смысл и загадку как испытание для христианина⁷. Для Фульгенция понять, «что думает о чем-либо Философия», значит, прежде всего, снять пестрое греческое прикрытие с простого смысла, выразимого на латинском языке либо как «порядок вещей» (*ordo rerum*), либо как «жизненная мораль» (*hominum vitae moralitas*) – подножие подлинной истины, на языке которой говорят с ним Тертуллиан, Иероним или Августин.

До нас дошло сочинение Фульгенция «Три книги о мифологии» (*Mitologiae libri III*), в котором он объясняет «подлинный и реальный» смысл древних мифов в мистико-аллегорической манере стоиков и неоплатоников⁸, но для нужд образованных христиан.

Образцом для книги Фульгенция послужил «Брак Меркурия и Филологии» Марциана Капеллы. «*Mitologiae libri III*» построены в форме беседы автора с Музами. Интерпретацию мифов он вкладывает сначала в уста музы Каллиопы, а также аллегорических образов Философии и Урании, которым предстоит передать ему «мистический смысл» (*sensus mysticus*) традиционной мифологии. Но в дальнейшем Фульгенций отступает от этого композиционного приема и вначале сам кратко излагает миф, затем часто прибегает к собственному, порой фантастичному, абсурдному этимологизированию, объясняя «подлинный» смысл мифа.

Свою главную задачу Фульгенций видит в том (и здесь ему помогает знание греческого языка), чтобы из-под внешнего оформления греческого мифа извлечь рациональное латинское содержание. Так, уже во введении Фульгенций совершенно четко дает понять, с какой целью затевается это обширное исследование: «Я же хочу показать суетность всех этих превращений: пусть его старейшина богов жеребятничает по-прежнему, а солнце, оставив свое огненное излучение, предпочитает быть испещренным стариковскими морщинами вместо лучей. Я-то надеюсь найти для всех этих вещей точное воплощение, чтобы, похоронив баснословие лживой Греции, уразуметь, в чем же их мистическая сердцевина» (I, Intr.).

По мнению Фульгенция, единственное оправдание мифологии заключается в том, что, хотя она и является вздором, однако же, нет такого вздора, который не был бы полезным испытанием для христианина, и на всякий вымысел есть своя правда. Вся мифология является, следовательно, инобытием морали и природы и как таковая вполне заслуживает разгадывания и истолкования⁹.

Установка Фульгенция не только определила характер его собственных сочинений, она в значительной степени обусловила и то громадное влияние, какое оказал этот автор (в контексте других аналогичных сочинений) на всю средневековую традицию истолкования античности. И даже скромные литературные достоинства не мешали ему быть (вплоть до XIV в.) одним из главных авторитетов в области мифологического комментария: «фульгенцием» называлось почти всякое мифографическое сочинение, подобно тому, как в «донатах» числилась всякая грамма-

Latin. 13. 2003. P. 163–252; Диснер Г.-И. Королевство вандалов. Взлет и падение. СПб., 2002; Сиротенко В.Т. Народные движения в Северной Африке и королевство вандалов и аланов. Днепропетровск, 1990.

⁶ В пользу его образованности говорит не только использование стандартных риторических приемов, но и знание классиков греческой и римской литературы, а также греческого языка.

⁷ Гусейнов Г.Ч. Истолкование мифологии на рубеже античности и средневековья: из книги латинского грамматика V-VI вв. // Античность как тип культуры. М., 1988. С. 325.

⁸ Английский перевод этого и других сочинений Фульгенция издал Leslie George Whitbread (Ohio, 1971) с комментарием и обширной библиографией.

⁹ Там же. С. 326.

тика. Фульгенций оказал большое влияние на ватиканских мифографов; в особенности актуальным в эпоху средневековья и Ренессанса было сравнение *Энеиды* с человеческой жизнью¹⁰.

Содержание каждого мифа Фульгенций соотносит со списком пороков и добродетелей, приводя свои морализаторские рассуждения к нужному ему логическому выводу, часто совершенно искусственному. Следуя своей цели, он допускает множество ошибок и неточностей, вполне вероятно, что сознательным образом. В басне «О девяти Музах» (I, 15) Фульгенций утверждает, что «девять Муз – это образы учения и знания», далее перечисляет все девять Муз, придавая каждой из них совершенно фантастическое значение. Например, Терпсихора – Муза танца – мыслится им, как находящая усладу в поучениях, а Урания – Муза астрономии – как небесная, что означает «рассудивши, выбери, что сказать, а от чего отплеиваться, ибо уметь выбрать полезное и отшвырнуть негодное, – это небесный дар». Результатом такого толкования становится вывод об «истинном» назначении муз: «Итак, порядок будет такой: во-первых, испытать желание к учению; во-вторых, насладиться тем, чего желаешь; в-третьих, отдаться тому, чем наслаждался; в-четвертых, овладеть тем, чему отдаешься; в-пятых, помнить, чем овладел; в-шестых, найти в себе самом подобие тому, что запомнил; в-седьмых, оценить то, что нашел; в-восьмых, отобрать то, что оценил; в-девятых, показать то, что отобрал, во всем его совершенстве».

Стараясь создать у читателя впечатление большой учености, Фульгенций, наряду со ссылками и прямыми цитатами из греческих и римских писателей, знакомство с которыми не удивительно для грамматика, широко пользуется именами авторов и названиями сочинений, упомянутыми в его источниках, иногда без всякой ссылки на эти источники. Орнаментальному употреблению имен греческих писателей он научился у тех античных авторов, что дали первые образцы такого скрытого цитирования своих подлинных источников¹¹. В басне о происхождении и значении Сатурна Фульгенций пишет: «Сыном же Поллура он зовется из-за полноты силы (а *pollendo*) или щедрости (а *pollucibilitate*), которую мы называем человечностью. Вот и Плавт в комедии «Эпидик» (на самом деле цитата взята из комедии «Привидение»¹²) говорит: «Пейте, кутите от пуза (*pollucibiliter*)!» <...> Вот и Аполлофан (ссылка на Аполлофана позаимствована у Тертуллиана («О душе», 14)¹³) в своей эпической поэме пишет, что Сатурн – это как бы «священный Нус» (а Нус по-гречески «смысл») или сеющий Нус, так сказать, божественный всепорождающий разум» (I. 2).

При построении каждого мифа Фульгенций применяет и стандарты басенного жанра, в результате структура мифа-басни выглядит следующим образом:

- а) общая морализация (в начале или в конце);
- б) сжатый пересказ мифологического сюжета;
- в) этимология главных имен;
- г) цитатное подкрепление¹⁴.

Наряду с этимологизацией Фульгенций пользуется и более изысканным приемом извлечения морали для басен-мифов: он помещает мифологический образ, сюжет или мотив в окружение «поверхностной» (античной) и «вскрывающей истину» (библейской) цитат для подтверждения своей правоты и для придания своим морализаторским толкованиям христианского оттенка.

Фульгенций в своем мифологическом сборнике пишет (II 9): «Мы понимаем Прометея, как *pronoian theoy* («божественный промысел»). Из этого предвидения и Минервы (как из небесной мудрости) возник человек. Они доказывают, что божественный огонь есть божественно одухотворенная душа». С точки зрения средневеко-

¹⁰ Альбрехт, Михаэль фон. История римской литературы. М., 2004. С. 1607.

¹¹ Гусейнов Г.Ч. Ук. соч. С. 327.

¹² Там же. С. 333.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 328.

вого монотеизма, если только нужно было находить положительные черты в языческой древности, то Прометей действительно мог рассматриваться в качестве символа божественного промысла, который проявился в создании людей и в даровании им культурной жизни. С такой точки зрения весь трагизм деяния Прометея уже отходил на задний план.

Кроме «Мифологии» Фульгенцию принадлежат еще несколько произведений. «О значении Вергилия в свете философии» (*Expositio Virgilianae continentiae secundum philosophos morales*) - это аллегорико-морализаторское объяснение *Энеиды*, на этот раз вложенное в уста Вергилия. Для Фульгенция *Энеида* была отражением человеческой жизни. Три слова *arma* (= *virtus*), *vir* (= *sapientia*), *Primus* (= *princeps*) обозначают соответственно *substantia corporalis*, *sensualis*, *organans*. Книга I символизирует рождение и раннее детство человека (кораблекрушение Энея соотносится с опасностью рождения), книга VI посвящена «погружению в глубины мудрости»¹⁵. Книги I-VI откомментированы подробнее, книги VII-XII - всего в нескольких предложениях. Фульгенций считал свою работу научным комментарием к поэме Вергилия, и хотя она не была научной, однако оказала большое влияние на аллегорическую интерпретацию *Энеиды* от начала средневековья вплоть до Ренессанса.

Другое произведение Фульгенция - «Объяснение древних выражений» (*Expositio sermonum antiquorum*) - содержит объяснение при помощи цитат 62 редких, вышедших из употребления латинских выражений (часто довольно замысловатых), подкрепляемых цитатами, причем иногда авторов и работ, которые никогда не существовали в реальности¹⁶.

И, наконец, работа Фульгенция «Периоды развития мира и человека» (*Liber absque litteris de aetatibus mundi et hominis*) должна была представлять всеобщую историю от Адама и Евы до времен императоров в 23 разделах (сохранилось 14), соответствующих буквам алфавита. При этом, описывая период, соответствующий данной букве, Фульгенций не использовал саму эту букву. Таким же образом поступают Нестор в своей *Илиаде* и Трифиодор в своей *Одиссее*¹⁷.

Таким образом, Фульгенций убеждает нас в том, что его восприятие античности более всего сходно с восприятием, например, Исидора Севильского и может быть квалифицировано как уважительно-снихождительное. Он смотрит на античность уже как бы со стороны, сверху, не просто хронологически выходя за ее рамки, его сознание уже живет по христианским канонам.

В мировоззрении твердого христианина Фульгенция античность представляет собой уже вполне «мертвое тело», которое он усердно «препарирует» в «лабораторных» целях. Автор использует античные сюжеты, выискивая, а иногда и выдумывая, в них поучительные моменты, представляющие ценность для христианской морали.

И, хотя, здесь мы наблюдаем уже содержательно, да и хронологически совершенно иную картину, чем при изучении произведений, например, Сидония, Драконция (с Павлином Ноланским его роднит горячее желание отречься от всего язычески-мифологического), из анализа творчества Фульгенция становится ясно, что и этого автора, как трех предыдущих, античность все еще «не отпустила», блеск ее богатейшего наследия еще притягивает взор и мысль писателя, заставляя его вновь и вновь обращаться к ее великим достижениям.

Таким образом, характер передачи античного наследия в произведениях Фульгенция заставляет признать его не носителем живой традиции, а скорее представителем первой рецепции античности в Постклассическом латинском мире.

Близкое Фульгенцию понимание классической традиции продемонстрировали также такие латинские христианские авторы V-VI вв., как поэты Седулий, Авит, Да-

¹⁵ Цит. по: Fabii Planciadis Fulgentii opera / Ed. by R. Helm. Lipsiae, 1898.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Альбрехт, Михаэль фон. Ук. соч. С. 1607.

мас, Ориенций, Клавдий Марий Виктор, Киприан¹⁸ и др. Эти авторы составляют группу христианских поэтов, еще не лишенных определенного ригоризма или нарочитого игнорирования по отношению к античному наследию¹⁹.

Из более поздних латинских авторов VI в. наиболее отстранены и холодны к отшумевшей борьбе с живой античной традицией Эннодий, Аратор и Венанций Фортунат, хотя и их произведения сплошь пронизаны классическими реминисценциями. Выработанная ими формула уважительного и почтительного отношения к античному наследию для поэзии вполне аналогична тому, что сделали в прозе Боэций, Кассиодор и Исидор Севильский. Именно это соотношение станет в дальнейшем оптимальным для всех «людей культуры» западноевропейского Средневековья²⁰.

FABIUS PLACIADES FULGENTIUS AND FIRST RECEPTION OF ANTIQUITY

E.V. LITOVCHENKO

Belgorod State University

e-mail: Litovchenko@bsu.edu.ru

In this article, the author researches a place and role of Fulgentius, Late Latin author and mythographer from Africa, in the Late-Antiquity culture. The author comes to conclusion that Fulgentius was not a carrier of Classical Tradition, but a representative of its first reception.

Key words: Latin, myth, literature, Rome, Late Antiquity, reception.

¹⁸ Не путать с богословом, Отцом Церкви Киприаном Карфагенским. См. подробнее: Болгов Н.Н. Позднеантичные поэты. Белгород (в печати); Бекетова О.С. Поздние латинские поэты // Актуальные проблемы исторической науки в студенческих исследованиях. Белгород, 2007. С. 5-7; Green R. Latin Epics of the New Testament: Juvencus, Sedulius, Arator. Oxford, 2006 etc.

¹⁹ Аверинцев С.С., Гаспаров М.Л., Самарин Р.М. От античности к Средневековью (V-VI вв.): [Латинская литература] // История всемирной литературы: В 9 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М., 1984. Т. 2. С. 446-449.

²⁰ Katz S. The Decline of Rome and the Rise of Medieval Europe. Ithaca, 1955; Goffart W. Rome's Fall and after. L., 1989; Уколова В.И. «Последние римляне» и парадигмы средневековой культуры // ВДИ. 1992. № 1; Brunhölzl F. Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. Münch., 1975.